

СЛОВО О ГОРДОМ ВРЕМЕНИ

РАССКАЗ О МОНОСПЕКТАКЛЕ

«КОНАРМИЯ» В ТЮЗЕ

ЗАКОНЧИЛСЯ вечерний спектакль в ТЮЗе. Разошлась густая толпа зрителей, сонно закрылись окошки гардероба...

Но в этот поздний час в театре вновь послышались голоса. По ступенькам поднимались зрители, пришедшие на премьеру «Конармии» по мотивам произведения И. Бабеля. Для них приготовлены ряды стульев в фойе. Здесь на небольшом возвышении сооружен четырехугольный каркас из длинных жердей. На них подвешено несколько подков. Сбоку — горка книг, а на стене, затянутой мешковиной, — две шинели.

Свет гаснет, только красным пятном выступает из темноты стена с шпиделями. Нарастающий топот копыт, сливаясь с криками людей и мощным «ура!», заполняет собой фойе, а потом постепенно замирает — конница пронесется мимо. Зажигается свет, и в фойе стремительно входит красноармеец в шинели нараспашку. Над головой он дер-

жит сверкающий никелем треугольник. Поднявшись на сцену, он острым и пытливым взглядом всматривается в глаза зрителей, а затем ударяет железным стержнем во треугольнику. Долгий металлический звон разывает преграды времени и открывает дорогу в прошлое.

— Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волынский взят сегодня на рассвете...

Эти неожиданно зазвучавшие слова переносят нас в далекие 20-е годы.

Красноармеец сделал несколько шагов, снял шинель и фуражку с красным околышем и начал рассказ о буднях Первой Конной армии. Время от времени он надевал круглые очки и делал какие-то заметки в своем дневнике, голос его то радостно звенел, то был наполнен скорбью, и тих от боли. И вместе с рассказчиком мы спорили со стариком-лавочником. Медали, мечтающем о «сладкой» революции без пороха и кро-

ви, возмущались преступлениями мешочников-спекулянтов, почувствовали с интеллигентом Лютовым всю глубину его мучений, когда война потребовала от него выполнить просьбу умирающего бойца, просившего о смерти.

Установить такую прочную связь актерского мастерства и восприятия зрителя помогает сама форма спектакля. Актер находится буквально в трех-четырех метрах от зрителей. Ему не надо напрягать голос, он звучит свободно и естественно, малейшее изменение выражения его лица не остается незамеченным.

Виктору Яценко удалось многое. Произведение И. Бабеля в его исполнении приобретает еще большую выразительность и впечатляющую силу. Выбрав из цикла новелл наиболее значительные и интересные, В. Яценко незаметно погружает зрителей в атмосферу каждодневных испытаний гражданской войны.

Прозвучали последние слова актера. И вновь — темнота в фойе и только освещается красным затянутая мешковиной стена. Раздается топот копыт, сливающийся с криками людей и мощным «ура!» — Конармия возвращается в прошлое... А в осветившемся фойе остается мы и актер в солдатской гимнастерке, со смущенной улыбкой принимающий наши аплодисменты.

Е. ТОЛКАЧЕВА.